

Максим Горький в Арзамасе.

1. Переезд из Крыма в Арзамас.

Зиму 1902 года Горький провел в Крыму, в Оленке.

Но 19 апреля я получил письмо, где Горький говорил:

Я имел право жить здесь только до 15 апреля, срок этот истек, значит, право жить здесь я утратил, и тем самым необходимо приобрел право уехать отсюда...

Он писал, что живет в Крыму «спрепя сердце, с отвращением»... Он отстранился вернуться в Нижний и просил меня навестить справив, не кончилось ли его «дело».

Я справился. Ответ был таков: «дело» продолжается; до его окончания Горькому придется жить под надзором полиции в Арзамасе, маленьком городке Нижегородской губернии.

23 апреля яглинский исправник Гвоздевич вручил Горькому «проходное свидетельство».

В этом документе, между прочим, значилось,

«что во время пути он не имеет права уклониться от маршрута, при сем ему врученного, и останавливаться где бы то ни было, за исключением случаев болезни или какого-либо непреодолимого препятствия, и в сих последних случаях обязан немедленно заявить о своей остановке местному полицейскому начальству для сделания на сем свидетельстве необходимой отметки»...

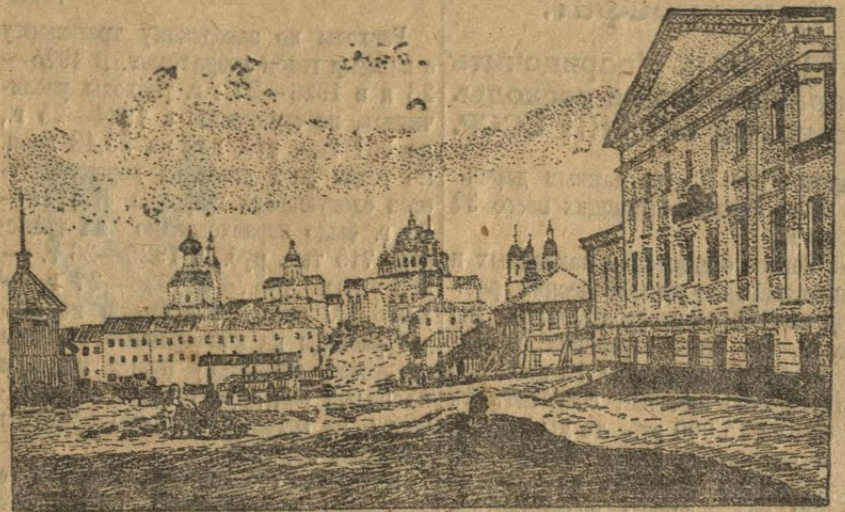
26 апр. Горький был уже в Нижнем. Ему разрешили пробыть там несколько дней, пока его жена подыщет для него квартиру в Арзамасе.

Вот рассказ Горького о встрече его местной полицией:

«Нижегородский полицеймейстер представлялся мне на вокзале—факт!—и просил помочь ему установить в Нижнем порядки—опять факт! Такими и вылезли: «Честь имею представиться—барон Таубе, местный полицеймейстер... Алексей Максимыч! я прошу вас—будьте великодушны, примите зависящие от вас меры, чтобы при приезде вашем не повторилось того, что было при отъезде. Я всемильнейше засмеялся в его портрет, очень неулыбный».

— «1 мая здесь, т.е. в Нижнем, чего-то ожидали; улицы были запержены полицией, конной и пешей, продвиг «Россию», где жил я, стоял целый почетный караул; частный, помощник, двое околоточных, двое конных полицейских и кучка сыщиков. Люди, приходившие ко мне, чуть-чуть не подвергались антропометрическим измерениям. Но—все напрасно. Никаких событий в городе не произошло. Произойшли крупные события в Сормове, заставившие начальство, как говорят, врасплох. Ну, пока до свидания. Если российское начальство не постарается вести себя умнее,—глупость его может вызвать ужасные события. вы увидите»...

Первомайская манифестация, по лежанию шартри, была перенесена в Нижнем на штое мая. Она состоялась. Были жертвы. Но Горький 5-го мая уехал в Арзамас.

Гор. Арзамас — место ссылки Горького в 1902 г.

2. Первые впечатления от Арзамаса.

Горький излагает их в письме от 9-го мая:

«Вот я в Арзамасе. По улицам, мощенным огромными обломками каких-то серых скал, ходят свиньи, полицейские и обыватели, ходят медленно, имея вид существ, совершенно лишенных каких-либо активных намерений. Уличная жизнь очень развита—быва-

тели бьют жен своих на тротуарах... Тихо здесь, славно. Окрестности мне нравятся, широко, гладко. Вообще, должен сказать, что, если начальство, посылая меня сюда, думало причинить мне неприятность—оно ошиблось. Заведу себе на-днях стол, начну работать и наконец-то здоровья лет на пять. Квартира хорошая»...

3. В положении «поднадзорного».

Горький был поставлен в положение «поднадзорного». Он был уверен, что его переписка просматривается. Иногда письма перехватывались и пропадали. Нельзя было писать о том, о чем хотелось. Это положение вызывало иногда взрывы раздражения, которое невольно прорывалось в письмах:

«Пишу все о пустяках, не решаюсь писать о более серьезном, ибо хотя здешний почтмейстер и очень любезный человек, но не внушает доверия. И вообще, не верю в почтмейстеров не потому, что терю веру в людей, а потому, что время подлое и начальство препакостно злится, видимо, чувствуя свое бессилие установить в России какой-либо порядок. Уже все законы устранили ради торжества порядка, а—все ничего не выходит»...

«Посылаю вам, для контроля, почтовые расписки на мои послылки и письма. Делаю это того ради, что—как я заметил—начальство в местном для меня интересе к моей корреспонденции, и, видимо, стремясь собрать

как можно больше автографов М. Горького, некоторые мои письма... мягко говоря—вредят. Очень рекомендую вам—никогда ни в каких письмах не отзывайтесь о начальстве без уважения, подобающего ему по заслугам его перед родиной нашей. Ибо, не удовлетворяясь современным состоянием русской литературы, не находя ее отвечающей его, начальства, вкусам, оно, для развлечения, занимается часто чтением частной корреспонденции и потому всем лицам, имеющим привычку писать письма, никогда не следует употреблять по отношению к начальству таких звучных эпитетов, как сволочь и т. д... Не надо льстить начальству. Чорт знает, что такое! Всякий раз, когда я касалось этого предмета, он, не взвывая на его очевидную важность, вызывает у меня какое-то мальчишеское, глупое чувство, полагаю, совершенно недостойное писателя, столь превознесенного как аз, грешный. Нет во мне солидности, нет! И в начальстве чего-то нет, кроме ума, сердца, чести и прочих человеческих качеств, как известно давно уже им утраченных»...

4. Работа над пьесами.

Настроения Горького складывались иногда по закону контрастов.

Так 13 мая он писал мне;

«Арзамас, как я замечаю, город несомненных бездельников, а это впечатление,—хотя, быть может, и ошибочно,—возмущая меня, наполняет мою психику бурной энергией»...

Энергия вылилась в работу.

В тихом Арзамасе Горький работал много и успешно.

Именно там закончил он лучшую из написанных им пьес—«На дне». Закончил быстро.

22 мая он писал мне.—«Начал работать. Когда я писал «Мещане», меня арестовали на третьем акте. Теперь я как раз пишу третий акт»...

А 15-го июня все было готово,—

я получил телеграмму:—«Высылаю пьесу».

30 мая Горький работает над четвертым актом «На дне», но думает уже о следующей пьесе:

«Сейчас же пишу другую. Другую, будь я проклят! Жив быть не хочу, а напишу пьесу хорошую»...

Как назовет Горький эту «другую»?—Ответ нахожу в его письме от 25 июня.

«Закатываю пьесу «Дачники»: действующих лиц—32 человека, целый губернский город в лице его интеллигенции. Пола—все идет прекрасно»...

Пьеса «Дачники», — намеченная в Арзамасе, была закончена Горьким в весне 1904 г.

Конст. Пятницкий.